

Герасименко И. А.
Горловский институт иностранных языков
Донбасского государственного педагогического университета

О ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИЗАЦИИ КОЛОРАТИВОВ

Статья посвящена вопросу лексико-семантической типологизации колоративов в современном русском языке. Описаны разные подходы к классификационным признакам этой лексико-семантической группы.

Ключевые слова: колоратив, русский язык, лексико-семантическая типологизация.

Колоративы как часть лексической системы языка традиционно считаются структурно-компактной, относительно закрытой и легко выделяемой из общего числа адъективов группой слов. Данные лексемы рассматриваются с точки зрения их употребления в разные периоды развития языка (Н. Б. Бахилина, В. В. Колесов, М. Вас. Пименова, С. В. Кезина, В. Е. Моисеенко), с позиции их деления на лексико-семантические группы (Р. В. Алимпиева, В. А. Москович), со стороны функционирования в текстах различных жанров (Н. В. Усанкова, Е. С. Снитко, Н. В. Серов, И. В. Белобородова) и отдельных идиостилиях (Е. А. Давыденко, С. В. Бобыль, С. В. Шкиль, Е. Б. Кузьмина). Этот пласт лексики исследуется в психолингвистическом (Р. М. Фрумкина, А. П. Василевич), семасиологическом (В. И. Шерцль, Н. Ф. Пелевина, Е. М. Чекалина), символическом (Н. В. Злыднева, А. Б. Ипполитова, Н. Б. Колосова, В. Ш. Курмакаева), антропоцентрическом (В. У. Тэрнер, Е. В. Рахилина, В. Г. Кульпина, С. Н. Кузнецова, С. С. Мищенко) аспектах. Вследствие интереса лингвистов к культурным корням народа колоративы изучаются с позиций отображения в них этнической ментальности и национально-культурной маркированности (А. Вежбицкая, С. И. Григорук, Л. И. Лонская, С. В. Кулинская), их места во фразеологизмах (Н. И. Толстой, М. Ивич), а также их семантики в текстах фольклора (А. Т. Хроленко, Т. Е. Никулина, Л. Раденкович, Л. Г. Невская, С. В. Супряга, О. А. Мещерякова), что вызвано пониманием языка как модели культуры.

Однако при описании лексико-семантической типологизации колоративов лингвисты сталкиваются с определёнными проблемами. Трудно решаемые в отношении колоративов вопросы связаны, на наш взгляд, со специфическими свойствами исследуемой группы слов. К этим свойствам относится, во-первых, ограниченный список лексем по сравнению с количеством цветов и оттенков. Ввиду этого каждый колоратив используется для обозначения не единичного цвета, а некоторой цветовой группы. Например, лексема *красный* реализует семантику 'рудой', 'алый', 'чермный', 'червлёный', 'кирпичный', 'малиновый', 'огнево́й'; слово *голубой* передаёт значения 'светло-синий', 'лазорево́й', 'ярко-небесный' и др. Эта

диспропорція между количеством цветов, различаемых глазом, и количеством их названий вызывает проблему цветовой номинации, требующую ответа на вопрос о том, что это за цвет и как его назвать.

Во-вторых, один и тот же денотат может характеризоваться в русской лингвокультуре разными колоративами. Например: *Он увидел на дубу синя ворона / Ай раздумался Петре королевский сын: / Мне-ка старца убить не спасенье, / А чёрна ворона убить не корысть получить* [11, с. 601]. По мнению лингвистов, на такой контекстуальный параллелизм указанных слов могут влиять “нечёткость” спектрального признака, “размытость” цветовых смыслов у многих русских цветоименований и отсутствие чётких граней между ними, а также избыточная синонимия, обусловленная исторически сложившимися некритическими заимствованиями цветоименований из различных языковых источников” [9, с. 193]. Однако не всегда именно эти факторы вызывают такое использование колоративов. По-видимому, это связано, во-первых, с восприятием цвета реалий окружающего мира в различных состояниях и условиях, с тем, что на цветовую номинацию влияют тон, яркость, насыщенность, т. е. характер цветовой гаммы и интенсивность цвета. Во-вторых, с глубинной лингвокультурной информацией – сочетание *чёрный ворон* выступает метафорическим обозначением чего-то зловещего, негативного, опасного. В-третьих, со стадийностью развития колоративов (В. У. Тэрнер, Б. Берлин, П. Кей), с тем, что на ранних этапах развития языка тёмные и светлые цвета не имели для их номинации отдельных лексем, а с появлением таковых, слова, обозначающие “тёмное” и “светлое”, синонимизировались и взаимозаменялись носителями языка. Данный вывод восходит к положению о том, что цвет является результатом взаимодействия света и тьмы, так как для его возникновения “необходимы свет и мрак, светлое и тёмное” [2, с. 133], что исходно цветное зрение было связано со способностью различать контрасты.

В-третьих, одна и та же лексема может быть включена в область обозначения тёмного и светлого цвета. Так, при вербализации солнечного дня слово *жёлтый* выступает характеристикатором светлого цвета: *Над степью – жёлтый солнечный зной* (М. Шолохов). Напротив, при описании ночного и утреннего света данный колоратив актуализирует тёмный цвет с дополнительными негативными значениями ‘холодный’, ‘мёртвый’: *По двору – жёлтая ночная стын* (М. Шолохов); *Как тускло пурпурное пламя, / Как мертвы жёлтые утра! / Как сеть ветвей в оконной раме / Всё та же сегодня, что вчера* (И. Анненский). Слово *жёлтый*, наделённое значением ‘жёлтый’, не имеет позитивной оценки и при передаче элементов внешности. Ср.: [...] *кругловатое лицо хозяйки показалось мне жёлтым, больным* (А. Солженицын); *Лицо, под фуражкой какой-то (именно фуражка была – не шляпа) длинное, сохлое, жёлтое, тёмное* (И. Тургенев); *И только побитая женщина плакала и бессмысленно ругалась; её растрёпанные*

волосы волочились по песку, а полуобнажённое **тело**, грязное и **жёлтое** при дневном свете, цинично и жалко выставлялось наружу (Л. Андреев). Здесь цветовые характеристики дополнены смыслами 'больной', 'уставший', 'старый'. Такая семантика прилагательного *жёлтый*, по мнению учёных, вызвана ассоциативными ощущениями жёлтого цвета, тем, что "происходит образное переосмысление основного номинативного" значения, за основу которого "берётся сема окраски тела, изменяющаяся с естественного на жёлтый в результате болезни" [10, с. 471]. Этот аргумент может быть принят, если он учитывает идею о том, что наблюдения над сезонными изменениями цветов природы, над лунным и солнечным светом, над изменениями цвета воды и неба в разных состояниях могли влиять на формирование семантики колоративов. При анализе подобных фактов нельзя оставлять без внимания и гипотезу об общесмысловой последовательности номинаций от "тёмного" к "светлому", о тьме как исходном аспекте восприятия всего сущего. Поэтому нахождение в этимологии адъектива *жёлтый* элементов, несущих значение 'тьма' (речь идёт о том, что данное прилагательное могло быть "родственно с *жуткий, жуть* (< 'тьма')") [7, с. 287]; ср. с.-хорв. *жу́т* 'жёлтый'; что русск. *жёлтый* родственно с нем. *gelb* 'жёлтый' как "обработанное губ-, т. е. 'рот'/'тьма'" [7, с. 287]; что слово *жёлтый* могло входить в один этимологический ряд с греч. *κελαινός* 'чёрный' и др.-прусс. *golimban* 'синий' [4, с. 20]), с точки зрения отмеченного заслуживают внимания.

Известно, что колоративы осмысливаются как в рамках привычных для них значений (*жёлтый* как 'жёлтый'), так и без чёткой ориентации на закреплённую за ними "цветовую" семантику (*жёлтый* как 'светло-жёлтый' и как 'тёмно-жёлтый' с дополнительными смыслами 'больной', 'уставший', 'старый'). Соответственно, разные колоративы могут использоваться для описания одного и того же денотата и включаться в область обозначения тёмных и светлых цветов, поскольку на цветовую номинацию влияет как характер цветовой гаммы и интенсивность цвета, так и лингвокультурологические факторы и диахроническая ориентация на обозначение тёмных и светлых цветов. Если иметь в виду, что цвет как зрительный перцептивный модус, наряду со слуховым, обонятельным, вкусовым и осязательным, принадлежит к первичным человеческим ощущениям, а вербализация цвета в языке – достаточно длительный и сложный процесс их выделения из первично абстрактной, охватывающей всё окружающее, системы в конкретно-образную ("мышление человека развивалось от общего к частному" [4, с. 36]), то, по-видимому, свою семантику колоративы получили в процессе освоения человеком среды обитания (а значит, и приспособления к ней). Как отмечают учёные (см. работы Н. А. Луценко, С. В. Кезиной и др.), вследствие малочисленности словарного состава древних всё цветное (окрашенное), противопоставляясь светлому, могло исходно восприниматься как тёмное (целое), соответственно, различаться, но не наделяться отдельными словами,

фиксироваться, в виду ограниченного количества лексем, в одном слове. “Цвет первоначально тоже осмысливался как нечто целое – пёстрое”, – заключает С. В. Кезина [5, с. 48]. С появлением разветвлённого состава колоративов конкретные спектральные значения закрепились в семантике отдельных слов (например, 'синий' в слове *синий*, 'жёлтый' в адъективе *жёлтый*, 'чёрный' в колоративе *чёрный* и т. д.). Это привело к использованию одних и тех же лексем для передачи разной спектральной семантики и закреплению за разными словами близких в цветовом плане значений. Из изложенного следует, что при рассмотрении семантики колоративов целесообразно также учитывать данную способность древнего мышления с помощью одного слова называть разные значения.

Думаем, что та “размытость цветовых смыслов”, на которую указывает В. Е. Моисеенко, определяется глубинной номинативной близостью колоративов. Ряд лексем (например, *синий*, *зелёный*) может осмысливаться как в рамках привычных для них значений (*синий* – это 'синий', *зелёный* – это 'зелёный'), так и пониматься без ориентации на чёткое “цветовое” значение. Последние, соответственно, синонимируются, поскольку могли быть диахронически ориентированы на одну и ту же идею. Данный факт может служить ещё одним дополнительным аргументом того, почему разные лексемы участвуют в передаче близких значений.

Ясно, что колоративы – это совокупность слов, которые характеризуются соотнесённостью с цветовым спектром. Как показывают наблюдения, в состав адъективных колоративов включены лексические единицы, различные по структуре (простые, сложные), морфологическим показателям (производные и непроизводные), происхождению (исконные и заимствованные). Они отличаются по функционально-семантическим особенностям (полисемантические и моносемантические, с узкой и широкой предметной отнесённостью), сферам употребления (общезыковые и терминологические типа гиппологизмов), частотности (высокочастотные и малочастотные) и мотивированности (колоративы с основной и производной цветовой номинацией). Ввиду этого упорядоченность колоративов как отдельной лексико-семантической группы слов представляет сложную задачу и, как следствие, рождает разные классификации в зависимости от положенного в их основу критерия. Одна из них – структурирование номенклатуры колоративов по параметрам тона, яркости и насыщенности (Ю. Д. Апресян, Н. С. Conklin, Е. R. Heider). Авторы данного подхода считают, что любой колоратив содержит указание на цвет в собственном смысле (т. е. тон), но нет таких колоративов, которые бы содержали информацию о яркости или насыщенности без указания на цвет (тон). В этой связи Ю. Д. Апресян пишет: “[...] тон встречается без двух других компонентов [интенсивности и яркости. – И. Г.], а эти последние без тона не встречаются” [7, с. 9]. Такие системы колоративов, по нашему мнению, нельзя относить к числу лингвистических и строить на них описание

семантики данной группы слов.

Рассмотрение номенклатуры колоративов через призму естественнонаучного понимания также типичная ошибка филологов. Пример тому – другой подход (представленный, например: [3, с. 152-153]), где наименования цветовой гаммы подразделяют на слова, обозначающие а) ахроматические, или неокрашенные, цвета (*белый, чёрный, серый*); б) монохроматические, или окрашенные, цвета (*красный, синий, зелёный, голубой, жёлтый*); в) составные цвета, которые включают как минимум две корневые морфемы с “цветовым” значением (*жёлто-зелёный*); г) сложные цвета (масть животных, окраска перьев птиц, цвет волос человека, например, *вороной, русый*). Отметим, что эта классификация строится на двух несоотносимых принципах – оптическом (а, б) и структурном (в), т. е. смещается с плоскости лингвистики в плоскость физики. При этом отдельно стоят лексемы, обозначающие масть и окрас животных (г) и называемые “наименованиями сложных цветов” [3, с. 153]. Другой лингвист – И. В. Макеенко – приводит похожую классификацию, в которой колоративы делит на “ахроматические (*белый, чёрный, серый*), семь цветов радуги (*красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, синий, голубой, фиолетовый*), а также слова *розовый* и *коричневый*” [8, с. 26]. Подобные распределения единиц данной ЛСГ приводят к смешению понятий собственно цвета и слов, обозначающих цвета, и не вносят ясности в вопрос о структурной и лексико-семантической типологизации указанных лексем.

Есть попытки упорядочить колоративы на основе критерия их происхождения. Данную группу слов подразделяют на адъективы, “восходящие генетически к индоевропейскому и праславянскому лексическому наследию (слова типа *белый, чёрный, зелёный, серый, сизый*), которые в процессе эволюции дополнены “классами с именами: цвета плодов и растений (типа *апельсиновый, брусничный, вишнёвый, гороховый, сиреневый*), цвета неба и моря (типа *багровый, небесный, лазурный, белёсый, аквамаринный, серебристый*), металлы и камни (типа *бирюзовый, гранатовый, изумрудный, перламутровый*), некоторыми экзотическими названиями цветов и оттенков” [9, с. 193]. Распределяя подобным образом указанные единицы, учёные, во-первых, не раскрывают механизм формирования этих колоративов [6, с. 385] и, во-вторых, поверхностно структурируют данный класс слов. Ввиду отсутствия комплексного и упорядоченного описания структурной и лексико-семантической типологизации лексем, называющих цвет, мы простые (*белый*), сложные (*чёрно-белый*) и составляющие описательных конструкций (*цвета морской волны*) адъективные колоративы с заимствованными (*лазурный*) и исконно русскими (*жёлтый*) основами предлагаем подразделять на следующие группы: а) слова с основной (*красный*) и производной (*розовый*) цветовой номинацией; б) полисемантические (*синий*) и моносемантические (*алый*), в) узкой (*палевый*) и широкой предметной соотнесённостью (*голубой*), учитывая

г) сферы употребления – общезыковые (*серый*) и терминологические (*караковый*) – и д) частотность использования – высокочастотные (*чёрный*) и малочастотные (*половый*). Семантика расструктурированных подобным образом колоративов должна рассматриваться сквозь призму лингвокультурологических факторов. Именно в данных внеязыковой (экстралингвистической) действительности, отражающей особенности мифического (образного) и понятийного (логического) мышления носителей языка можно найти источники номинации изучаемой группы слов.

Итак, несмотря на достаточно большое количество работ, посвященных данной лексико-семантической группе, существует потребность в определении объема понятия “колоратив” и в распределении колоративов по лексико-семантическим группам. К колоративам мы относим имена прилагательные, обозначающие конкретные и неконкретные цвета и функционирующие как самостоятельные (простые, сложные) лексические единицы и как составляющие описательных конструкций с компонентами *цвет / цвета*. Такое понимание анализируемых лексических единиц способствуют, на наш взгляд, систематизации данных о лексико-семантической типологизации русских колоративов, которые с учётом данных параметров будут описаны в наших последующих работах.

Л и т е р а т у р а :

1. *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Семиотические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М. : Наука, 1974. – 367 с.
2. *Гёте И.* Избранные философские произведения / И. Гёте. – М. : Наука, 1964. – 520 с.
3. *Гулянков Е. В.* Этническое своеобразие русской народно-песенной лексики (в сопоставлении с лексикой французских народных песен) : дис. ...кандидата филол. наук : 10.02.01 ; 10.02.19 / Е. В. Гулянков. – Курск, 2000. – 255 с.
4. *Кезина С. В.* История цветообозначений в русском языке : учеб.-метод. пособие к спецкурсу / С. В. Кезина / Пензен. гос. пед. ун-т им. В. Г. Белинского. – Пенза, 2000. – 50 с.
5. *Кезина С. В.* Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект) / С. В. Кезина. – [2-е изд., испр. и доп.]. – Пенза : ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2008. – 304 с.
6. *Левицкий В. В.* Семасиология / В. В. Левицкий. – Винница : НОВА КНИГА, 2006. – 512 с.
7. *Луценко Н. А.* Истории наших слов: диахронно-лексикологические этюды / Н. А. Луценко ; Донецкий национальный университет. – Донецк : Изд-во “Вебер” (Донецкое отделение), 2009. – 370 с.
8. *Макеенко И. В.* Семантика цвета в разноструктурных языках. Универсальное и национальное : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 “Теория языка” / И. В. Макеенко. – Саратов, 1999. – 258 с.
9. *Моисеенко В. Е.* Названия цветов и их оттенков в русском языке / В. Е. Моисеенко // K. Gadányi, L. Mojszejenko, V. Mojszejenko. Слово и цвет в

- славянських языках. – Melbourne : Academia Press, 2000. – С. 187-236.
10. Чистякова Г. В. Язык и культура: элементы концептуального анализа цветообозначения *жёлтый* (на материале английского и русского языков) / Г. В. Чистякова // Наука и образование: материалы Всерос. научн. конф., 20-21 февраля 2003 г. [в 4 ч.]. – Ч. 3. Лингвистика. – Белово, 2003. – С. 469-474.
  11. Онежские былины : [в 3-х т.]. / [записанные А. Ф. Гильфердингом]. – Изд. 4-е. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1949–. – (АН СССР ; Ин-т рус. лит-ры). – Т. 2. – 1950. – 811 с.
  12. Conklin H. C. Hanunóo color categories / H. C. Conklin // Southwestern Journal of Anthropology. – 1955. – Vol. 11. – P. 339-344.
  13. Heider E. R. The structure of the color space in naming and memory for two languages / E. R. Heider, D. C. Oliver. – Cognitive Psychology. – 1972. – Vol. 3. – P. 337-354.

Герасименко І. А. Про лексико-семантичну типологізацію колоративів.

Статтю присвячено питанню лексико-семантичної типологізації колоративів у сучасній російській мові. Описано різні підходи щодо класифікаційних ознак цієї лексико-семантичної групи.

Ключові слова: колоратив, російська мова, лексико-семантична типологізація.

Gerasimenko I. A. About the lexical-semantic typology of the color names.

The article is devoted to the lexical-semantic characteristics of Russian colour names. The novelty of the paper lies in the investigation the principles which have to be taken account to illustrate this units.

Keywords: colour name, Russian language, lexical-semantic typology, lexical-semantic group.

Голіченко Л. М.

Національна академія Служби безпеки України

СЕМАНТИЧНА СТРУКТУРА ЛЕКСЕМИ 'ОРАТИ' У СИСТЕМІ НАЙМЕНУВАНЬ ПРОЦЕСІВ ОБРОБІТКУ В УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ

У статті досліджено семантичний потенціал лексеми 'орати' у системі найменувань процесів обробітку в українській мові. Проаналізовано аналітичні словосполучення на позначення процесу оранки в наукових текстах. Встановлено, що позамовний чинник зумовив утворення великої кількості номінативних одиниць на позначення способів оранки за диференційною семою 'час оранки'.

Ключові слова: семантична структура, лексична одиниця, аналітичні словосполучення, диференційна ознака, позамовний чинник.

Давньою за часом формування й цінною як джерело інформації про історію мови є сільськогосподарська лексика. Вона відображає реалії споконвічного заняття українців, виражає характерні риси ментальності та об'єктом постійного зацікавлення лінгвістів. Її аналізували з погляду походження та історії формування (В. Горобець, Л. Гумецька, Є. Ємельянова, В. Карпова, Г. Клепікова, Р. Панас та ін.), семантичного навантаження